

Юрий КОНОПЛЯНИКОВ

Пиши бесфамильно

Сел в красивый скоростной поезд «Ласточка», чтобы ехать на съёмки в Тверь. Свободных мест нет. Вернее, они есть, но заняты вещами уже сидящих рядом пассажиров. То есть человек собственной персоной занял то или иное место под себя, но и то, которое подле него, держит под кого-то.

Я вцепился в спинку одного такого сиденья с подлокотниками, упёрто жду результата: когда «Ласточка» отправится и подтвердится, что полностью-таки недоброжелательная дама, сидящая у окна и стерегущая для «кого-то» пассажирское кресло, просто-напросто врёт и не хочет, чтобы кто-то находился возле неё. А в Москве день серый, люди в поезде мрачные, готовые к скандалам.

Наконец у дамы нервы не выдерживают и она, убирая с кресла рюкзак, произносит:

— Бабушка куда-то ушла... Заняла и ушла!..

— Куда-куда... — сажаясь, подсказываю я. — Дедушку, искать!

* * *

В пути перед самой Тверью, когда солнышко вдруг воссияло и на душе совсем благостно стало, мне на мобильник приходит SMS-сообщение от Ольги, нашего ассистента режиссёра. Она пишет: «Юрий! Вас будет встречать Слава. Номер машины У 929 ТР 777». А накануне Ольга сообщила, что с вокзала в Твери, чтобы ехать в деревню Каблуково, где идут съёмки, меня заберёт другой водитель — Никита, у которого в силу возраста (21 год ему) язык без костей: говорит, говорит — не остановишь. Это бы ничего, да есть тут один неудобный момент: букву «р» Никита произносит на французский манер, она у него постоянно грассирует. И снова бы ничего, но когда этому нет остановки, то в замкнутом пространстве, в машине, начинаешь испытывать напряжение.

Так вот, в подземном переходе, ведущем на привокзальную площадь, встречаю (а мы практически никогда не знаем, кто ещё прибыл на съёмки) замечательного своего партнёра по телесериалу «Лесник», блистательного актёра Михаила Васькова, приехавшего, как и я, на «Ласточке», и на ходу без всякой задней мысли, а только чтобы разговор поддержать, сообщая, что если он не в курсе, то забирать нас будет не Никита, а Слава.

— Вот и хорошо, — по привычке к сиюминутным переменам во время съёмок, по-деловому и со всей прямотой говорит Васьков. — Меньше картавости будет!

Константина Сергеевича Станиславского в современном театральном искусстве пока никто не отменял: российские театры в своей работе продолжают опираться на его гениальную систему актёрского мастерства, в которой важнейшим условием успеха является точное определение сверхзадачи исполняемой роли.

Когда мы, выйдя на привокзальную площадь Твери, нашли ожидавшего нас водителя Славу и сели к нему в машину, Михаил Васьков как раз и заговорил на эту тему, связанную со Станиславским, вспомнив репетицию «Бесов» Фёдора Достоевского в Московском академическом театре имени Евгения Вахтангова, где яркий и талантливый Васьков много лет уже работает.

«Бесы», как известно, — одна из последних сценических постановок Юрия Любимова перед тем, как он, уйдя к праотцам, завершил свой путь земной.

Ну, а во время репетиций к нему как-то обратился с неразрешимым вопросом народный артист РФ Евгений Карельских, работавший над ролью губернатора Лембке:

— Юрий Петрович! — озабоченно обратился к великому режиссёру Евгений Константинович. — А какая у меня здесь сверхзадача?

— Я пока не знаю, Женя, — мягко ответил Юрий Петрович и, показав на небо, добавил: — Вот скоро встречусь с Константином Сергеевичем и спрошу.

* * *

Приехали в деревню Каблуково, в расположение нашего киношного табора, если хотите. Михаил Васьков сразу отправился переодеваться, гримироваться и на съёмочную площадку. Я определился в актёрский вагончик, где тепло и уютно, и ждёт своего выхода на кинокамеру Юлия Польшинская. Она уже переодевается и загримирована, а я на очереди. Перед моей сценой ещё один съёмочный час или два будут отданы другим — вот и надо время коротать. Говорим с Юлей о всяких пустяках, о разных неожиданностях, которые могут сегодня случиться. Вдруг Юлия округляет глаза и доверительно сообщает:

— У меня сегодня только одна фраза, но я так боюсь её забыть.

Тут, вспомнив, как на днях нечто подобное было со мной, я с таким упоением расхохотался, что и Юлия, глядя на меня, тоже засмеялась. Вдвоём мы стали просто ржать, чем никак не удивили окрестности — смех у нас любят.

Решил немного пофиглярствовать: 78-летнему Вадиму Александрову (тому самому милиционерскому капитану из великолепного советского фильма «Усатый нянь») в перерыве после только что разыгранной им на съёмочной площадке сцены отвешиваю похвалу:

— Гениально! Мне так не сыграть!

— Ещё бы! — сходу ударяется в безнадёжный, как мне казалось, и всеразрушительный пафос Александров. — Ты у кого учился?

Вот здесь я и купился, думая, что он всерьёз хочет поговорить о старой актёрской школе, о всех её превосходствах перед теперешней. Я с нескрываемой гордостью заявил:

— У народного артиста СССР, ученика Константина Станиславского, заведующего кафедрой актёрского мастерства ГИТИСа, профессора Раевского Иосифа Моисеевича.

— Ну вот! — сказал, как отрезал, Вадим Александрович. — А я у природы!

* * *

В Твери мы, если остаёмся на последующие дни съёмки, то чаще всего ночуем в пансионате Тимирязевской сельскохозяйственной академии в посёлке Сахарово. Стало быть, завтракаем и ужинаем там же в столовой. Есть в этой столовой примечательная гражданка, раздатчица блюд с очень независимым и никем неуправляемым характером — свободным от мнения со стороны.

Вышла она однажды ранним весенним утром, часов в семь, перед нашим выездом на съёмочную площадку и бурчит себе под нос, разнося по столам нарезку из сыра и колбасы:

— Расселись, как евреи!

И вот уже скоро закончится лето (тёплый август пришёл — все же помнят, что за июнь и начало июля были в нынешнем 2017 году), а я всё думаю: как же это не так, как же это по-особенному рассказываются евреи? Не согласно понимания раздатчицей порядка в столовой, что ли?!

* * *

Верю во всё, как маленький ребёнок, притом, что с женщинами-актрисами всегда трудно разобаться — никогда не знаешь: играют они в данный момент или всерьёз по жизни рассуждают.

Наблюдаю диалог великолепных моих партнёров по телесериалу «Лесник» Наталья Санько и Татьяны Журавлёвой.

— Ты когда родить-то должна? — как взаправду к Татьяне Журавлёвой обращается Наталья Санько, сидящая в траурном одеянии, так как вскоре по сценарию очередной серии «Лесника» предстоит всем нам играть поминки односельчанина.

Я ещё не переодетый, только что приехавший из Москвы, блаженно смотрю на округлый животик актрисы Татьяны Журавлёвой, которая почему-то открыто выражает недовольство по поводу своего положения.

— Тройня, наверно, будет, — хмуро говорит Татьяна.

И я, как последний валенок, театральной школой ГИТИСа приученный воспринимать всё как в жизни, ведусь на их разговор, восторгаюсь подвигом актрисы — стать матерью сразу троих детей.

— У меня мама, когда ходила мной, тоже думала тройня! А родился я один — пять шестьсот весом. — Возможно, что-то путая, зато честно, изложил я историю своего появления на свет. Чем очень насмешил моих визави, в актёрском вагончике сидящих, они решили, что я шучу.

— Ты что, Юр? — удивился присутствовавший среди нас и внутренне сосредоточенно работавший с текстом роли Владимир Тимофеев, он же Васька Чиркаш по сериалу. — Это ж не по жизни, а по сценарию Татьяна должна родить.

— Надо же! — поразился я, веря и не веря собственным глазам. — Затмение нашло: я всё принял за чистую монету!

* * *

Иногда отправление скоростного поезда «Ласточка» из Твери в Москву приходится ждать. Это происходит потому, что твои сцены отсняли и из села привезли в город на станцию заранее, чтобы вечером в пробки не попасть и не опоздать на последний поезд.

Короче, успели. Проскочили до пробок. Домой в Москву возвращаемся с потрясающе интересным актёром Московского художественного театра им. А.П.Чехова Владимиром Тимофеевым, играющим, как я только что сообщал, роль Васьки Чиркаша.

Делать абсолютно нечего. Зашли в привокзальный «Макдональдс», в нём посидели, что-то пожевали и чаем запили. Затем в зал ожидания на вокзал перебрались, там присели и паримся, изнываем от медленно текущего времени.

Васька Чиркаш (Володя Тимофеев) разнобразия ради в туалет направился, а туалетная кассирша его тут же узнала — хоть не ходи!

— Вася! — воскликнула она. — А в жизни совсем другой.

— Ну, естественно, — сказал ей Вася. — Там же я алкаш, — и, обилеченный, пошёл в нужное место.

А вслед ему прозвучал ласковый голос кассирши:

— Вася! — указала она на забывчивость своего любимца. — Бумагу-то возьми!

И стало ясно, что не все подробности жизни находят применение в кино.

* * *

Мэтры русской поэзии и прозы Игорь Тюленев (Пермь) и Владимир Ильяшевич (Таллин), участвуя в Ставропольском форуме творческих союзов «Белая акация», напряжение от работы снимали за обеденным столом гостиницы «Континент», проявляя заботливое внимание друг к другу. Прозаик Владимир Ильяшевич, например, вставая по окончании обеда, говорит поэту Игорю Тюленеву:

— Ты масло (оливковое масло, применяемое как приправа — Автор) забыл допить.

Тюленев, уходя от стола и как бы не придавая значения сказанному, отвечает:

— Вот когда ты молотый перец доешь, я вернусь и допью масло.

* * *

Отправляясь на форум творческих союзов в Ставрополье, я опоздал на самолёт. Поскольку в электронном билете русский язык обязательно соседствует с английским (видимо, так англосак-